

Е Цзинли слегка приподнял бровь, и под удивленным взглядом Ли Цзинчэня, не меняя позы — он все еще был заключен в объятиях мужчины — украдкой провел рукой по его крепкому животу.

Ощущения неплохие.

— Вчера в кафе был ты!

Е Цзинли молниеносно отдернул руку и ловко выскользнул из мужских оков.

В объятиях внезапно стало пусто.

Глаза Е Цзинли задорно блеснули. Он приподнял бровь и беззвучно, одними губами, произнес:

— Я поймал тебя!

Ли Цзинчэнь стоял на месте, глядя, как юноша, смеясь, отступает назад, а затем с изящным изяществом разворачивается и кланяется, вызывая новую волну восторженных криков.

Весь шум и ликование зала словно отделились от него.

В глазах и мыслях Ли Цзинчэня запечатлелся лишь этот невероятно соблазнительный, полный жизни силуэт.

В ушах звучало только собственное сердцебиение.

Оно постепенно выходило из-под контроля.

Глава 8. Белое лунное сияние и черная лotosовая душа (8)

Старейшина Ли сегодня был не в духе.

По его приглашению пришло множество людей, и помимо тех, с кем он хотел познакомить Ли Цзинчэня, здесь было немало молодых наследников влиятельных семей.

Ли Цзинчэнь, младший сын клана Ли, известный профессор, молодой, талантливый и статный — с такими данными у них не было причин отказываться от намеков старейшины.

Желающих породниться с кланом Ли было хоть отбавляй.

Раньше это заставляло старейшину тихо посмеиваться, но теперь вызывало лишь беспомощность.

Он принял это решение лишь для того, чтобы младший сын нашел спутника жизни, но кто бы мог подумать...

Его, казалось бы, холодный и отстраненный сын, уже успел ввязаться в историю.

Глядя на Ли Цзинчэня, который неподалеку явно пребывал в состоянии любовного оцепенения, старейшина Ли продолжал добродушно улыбаться, хотя в душе его терзали горькие думы.

Не зная о том, что происходит в банкетном зале, Ли Хаотянь крепко сжал руку Ань Цзинь и с мрачным видом загнал ее в угол.

— От кого ты бежишь!

Его голос, полный гнева, звучал пугающе. В глазах Ли Хаотяня бушевала ярость, и он, не контролируя силу, так сильно сжал руку Ань Цзинь, что на ней остались четкие отпечатки пальцев.

Ань Цзинь только и делала, что бежала, а Ли Хаотянь преследовал ее до самого подземного паркинга, едва сдерживая kloкочущий гнев.

То, что кто-то там назвал Ань Цзинь невестой Су Юя, его ничуть не заботило.

Какое ему дело, является ли женщина, которую он хочет, чьей-то невестой?

К тому же, хоть другие этого и не знали, он до сих пор отчетливо помнил, как прекрасно эта маленькая женщина раскрывалась в его объятиях.

И то препятствие, которое тогда его так удивило.

Это действительно был ее первый раз.

Ань Цзинь прекрасно это знала!

Так от чего же она бежит?

Если только...

Вспомнив все те двусмысленные моменты между ней и Су Юем, которые он видел издалека, Ли Хаотянь помрачнел еще сильнее.

До сих пор Ань Цзинь была в его глазах простой и упрямой девчонкой.

Но сейчас...

Вспомнив, с каким трогательным взглядом она смотрела на Су Юя, Ли Хаотянь сжал ее руку еще крепче.

Находясь в его объятиях, она думала о другом мужчине?

Этого он терпеть не станет!

От нестерпимой боли в руке лицо Ань Цзинь, до этого покрасневшее от стыда, мгновенно стало пепельно-бледным, а на лбу выступил холодный пот.

— Отпусти меня!

Ань Цзинь отчаянно сопротивлялась, но чем больше она дергалась, тем сильнее разгорался гнев Ли Хаотяня. Он решил, что она предала его, и отпустить ее было выше его сил.

Отпустить? Чтобы она побежала к Су Юю?

Мечтай!

Охваченный яростью, Ли Хаотянь окончательно потерял рассудок. Другой рукой он грубо схватил Ань Цзинь за подбородок и впился в ее губы поцелуем.

В этом поцелуе не было ни капли нежности.

Словно выплескивая всю свою ярость, Ли Хаотянь действовал без всякой жалости — жестоко и неистово.

Ужасное чувство удушья накрыло ее, во рту появился отчетливый привкус крови, из глаз против воли потекли слезы. Ань Цзинь отчаянно пыталась вырваться, но рука, державшая ее, была твердой, как железо, не давая ни малейшего шанса пошевелиться.

Она умрет!

Этот человек убьет ее!

Инстинкт самосохранения наконец взял верх. Ань Цзинь закрыла глаза и, собрав все силы, что у нее оставались, изо всех сил укусила его!

Ли Хаотянь вскрикнул от боли, рассудок вернулся к нему, и он рефлекторно отшвырнул Ань Цзинь от себя.

Потратив последние силы, Ань Цзинь упала на пол, не в силах сопротивляться.

Свежий воздух, ворвавшийся в легкие, заставил ее зайтись в приступе кашля. Тень смерти отступила, оставив лишь дрожь от пережитого ужаса.

Она жалко отползла в угол, с тревогой и страхом глядя на Ли Хаотяня, который возвышался над ней. В ее душе смешались чувства, подобные океанскому приливу, едва не захлестывая те робкие ростки чувств, что только начали пробиваться.

Ли Хаотянь изо всех сил сдерживался, чтобы не развернуться и не уйти прямо сейчас.

За свои двадцать семь лет он никогда не тратил слишком много времени на женщин.

Родившись в клане Ли, будучи старшим внуком, он с рождения имел все, чего другие добивались поколениями. Женщины сами липли к нему, стоило лишь бросить взгляд.

Ань Цзинь была первой, с кем он сблизился, не преследуя никакой выгоды.

Она была особенной.

И к тому же...

Ли Хаотянь тяжелым взглядом посмотрел на сжавшуюся в углу Ань Цзинь и вытер кровь с губ.

Эта женщина больше не была простой ассистенткой — за ее спиной стоял клан Су.

Если он получит технологию Су и объединит ее с мощностями Корпорации Ли, масштабы компании вырастут в разы, и его положение как наследника станет незыблемым.

Возможно, стоит дать ей еще один шанс.

Подумав об этом, Ли Хаотянь глубоко вздохнул, подавил раздражение, поднял Ань Цзинь и

прижал к себе.

— Прости, Ань Цзинь, я был вне себя от злости!

Его низкий голос охрип от раскаяния. Тело Ань Цзинь, напряженное от страха, наконец обмякло в его теплых объятиях, отозвавшись на нежное утешение.

Слезы хлынули из ее глаз. Она почувствовала, как нахлынувшая обида, которую она так долго подавляла, едва не топит ее.

Несомненно, Ли Хаотянь занимал в ее сердце особое место.

Он был ее первым мужчиной.

И с каждой новой встречей он все глубже проникал в ее душу.

Что бы она ни думала о Су Юе, Ли Хаотянь был другим.

Он был первым, кого она по-настоящему хотела полюбить.

Пережив удушливый страх близости смерти, Ань Цзинь наконец поняла свои чувства.

Она, с покрасневшими глазами, обняла крепкое тело Ли Хаотяня, вкладывая в это объятие все силы.

У всего была причина.

Потому что она полюбила Ли Хаотяня, она отчаянно пыталась порвать с Су Юем, боролась за свое счастье и была готова терпеть любые обиды...

Все ради того, чтобы быть с ним.

Ли Хаотянь мягко успокаивал плачущую Ань Цзинь, и его лицо выражало такую нежность и терпение, словно тот свирепый зверь, что только что терзал ее, был лишь плодом ее воображения.

В пустом подземном паркинге Ань Цзинь, осознавшая свои чувства, подняла голову.

С ее длинных ресниц все еще капали слезы, и в этом жалком, заплаканном виде было что-то пронзительно прекрасное.

Встретившись с этим робким, полным слез взглядом, Ли Хаотянь не удержался.

И глубоко поцеловал ее.

Бросив стопку фотографий с весьма пикантным содержанием на журнальный столик, Е Цзинли с усмешкой поднялся. Его стройная фигура подошла к окну, и он с наслаждением подставил лицо ночному ветру.

Кто бы мог подумать, что он просто забросил наживку, а попалась такая крупная рыба.

Не повезло же этой парочке: стоило им разок поцеловаться, как их тут же подловили папарацци, жаждущие скандала!

Впрочем, как наследник клана Ли, Ли Хаотянь наверняка сделает так, что эти фото не увидят свет.

Если только...

Если только не найдется кто-то достаточно влиятельный, чтобы поддержать этих папарацци!

Подумав об этом, Е Цзинли сел за компьютер.

На его губах заиграла неприкрытая злая усмешка. Его тонкие, изящные пальцы застучали по клавишам с такой скоростью, что казались размытыми.

У Ли Хаотяня было немало врагов!

Особенно... Юнь Мотянь, который находил особое удовольствие в неудачах Ли Хаотяня!

Он точно не упустит такого шанса!

Нажав последнюю клавишу, Е Цзинли с удовлетворением посмотрел на плоды своих трудов и отправил файл по случайному адресу.

Он не стал полностью заметать следы, даже намеренно использовал реальный адрес в качестве трамплина.

Интересно, что почувствует Ли Хаотянь, когда в итоге выйдет на него самого?

Е Цзинли медленно улыбнулся, и улыбка его была обворожительной.

Хотя, как номинальный жених Ань Цзинь, ради собственной репутации он не должен был допустить утечки этих фото.

Но...

Как второстепенный персонаж, чья цель — перевернуть судьбу и поиздеваться над главными героями, мог ли он пропустить такое шоу?

Подумаешь, рога наставили!

Раздался стук в дверь.

Уверенный, четкий, не слишком громкий, но и не позволяющий себя проигнорировать.

Ритм был выверен до секунды, словно отсчитан по метроному.

Ужасающий перфекционизм.

Улыбка Е Цзинли, полная порочной нежности, исчезла. Он встал, направляясь к двери, и мельком взглянул на часы.

Шаги его замедлились, он удивленно приподнял бровь.

Уже за час ночи...

Так поздно. Чего же добивается этот человек, который сначала настоял на том, чтобы отвезти

его домой, а потом под предлогом остался на ночь?

— Сегодня луна особенно красива.

Ли Цзинчэнь, опершись рукой о перила, смотрел в ночное небо.

В этом районе вилл, расположенном на склоне горы, экология была под надежной защитой, поэтому небо казалось намного чище и прозрачнее, чем в центре города, а луна светила особенно ярко и холодно.

Самое время поговорить о жизни, идеалах и красоте лунного света.

Позади не последовало ответа, и Ли Цзинчэнь обернулся.

Ночной ветер с гор был прохладным, и юноша, которому, видимо, стало холодно, свернулся калачиком на широком диване.

Его мягкие волосы растрепались, и он, сам того не осознавая, крепко спал, прислонившись к спинке дивана.

Ли Цзинчэнь присел перед ним на корточки.

Его взгляд скользнул по мягким прядям, опустился вдоль длинных ресниц и остановился на слегка поджатых губах юноши.

Сегодня именно они хитро улыбались ему, едва не лишив рассудка.

Ночь была настолько тихой, что Ли Цзинчэнь слышал ритм собственного сердца.

Неизвестно, сколько прошло времени, луна уже начала клониться к закату.

Ли Цзинчэнь тяжело вздохнул и осторожно поднял спящего юношу на руки.

В отличие от своего дневного дерзкого образа, во сне юноша выглядел таким тихим и прекрасным. Даже когда его подняли, он не проснулся, а лишь прижался к нему поудобнее и продолжил спать.

Щека юноши через тонкую рубашку касалась его груди.

Словно его коснулись самыми мягкими подушечками кошачьих лап, сердце Ли Цзинчэня наполнилось нежностью. Он бережно, стараясь не разбудить, понес его в спальню.

Глава 9. Белое лунное сияние и черная лotosовая душа (9)

Едва спустившись вниз, Е Цзинли почувствовал, что атмосфера изменилась.

Вчера, когда некто принес его в комнату, было уже очень поздно, поэтому сегодня он проснулся не рано.

Но родители, которые в это время уже должны были уйти на работу, все еще были дома.

Его мозг, только что отошедший ото сна, мгновенно прояснился. Едва ли не за одно дыхание Е

Цзинли догадался о причинах.

Похоже, то, что он видел вчера, сегодня стало достоянием общественности.

Его походка не изменилась, но аура преобразилась: утренняя расслабленность сменилась подавленностью, заспанный взгляд — потухшим взором человека, которому разбили сердце, и даже вихор на голове стал выглядеть как признак глубокого уныния.

Е Цзинли оставался все тем же Е Цзинли, но выглядел теперь как настоящий несчастный влюбленный.

Родители, которые до этого делали вид, что читают газеты и завтракают, поддались на этот вид — их больше не заботило притворство, и на Е Цзинли устремились полные тревоги взгляды.

Под этими взглядами Е Цзинли почувствовал себя странно.

Рассудком он понимал, что этот мир — лишь виртуальная реальность под управлением Супер-Икс, и все, что он видит — лишь набор данных.

Включая этих родителей, чьи лица выражали искреннее беспокойство.

Но одно дело — знать, и совсем другое — находиться внутри этого мира, где невозможно не поддаться влиянию.

Он злится, радуется, его сердце бьется быстрее из-за определенного человека.

Разве это искреннее беспокойство и вчерашнее реальное сердцебиение чем-то отличаются от реальности?

Мысли пронеслись в одно мгновение, и Е Цзинли, выровняв дыхание, направился к отцу и матери.

Их сын был окружен аурой разочарования и душевной боли.

Мать смотрела на приближающегося сына, и ее глаза были полны невыносимой жалости.

Бог знает, как болело ее сердце, когда утром она увидела те отвратительные фотографии в газетах!

Из-за травм, полученных в молодости, после рождения Су Юя у нее больше не было шансов стать матерью.

Ань Цзинь она всегда любила как родную дочь.

После того как они удочерили Ань Цзинь, ее материнская тоска была наконец утолена. Она могла бы сказать, что тратила на Ань Цзинь даже больше сил и времени, чем на Су Юя.

Потому что Ань Цзинь потеряла родителей, потому что она была девочкой, потому что была такой послушной и рассудительной, что вызывала лишь умиление...

По многим причинам она с детства лелеяла ее, как зеницу ока. Для нее Ань Цзинь была дочерью, которую она вырастила сама, ее маленьким утешением.

Она понимала, что молодежи нужно личное пространство, поэтому, когда Ань Цзинь сказала,

что слишком занята на работе и не может постоянно приезжать, она без лишних слов отложила дела, чтобы помочь ей обустроить квартиру.

Но Ань Цзинь отказалась, а когда переехала, то даже не захотела вернуться провести их.

Словно их дом был грязным и невыносимым местом, из которого она стремилась сбежать, чтобы никогда не вспоминать.

— Почему ты встал так поздно!

Отец с силой бросил газету на стол, его брови сошлись на переносице. Он обнял свою жену, чтобы утешить ее, и попутно бросил на Су Юя гневный взгляд.

— Ты еще и сына отчитываешь?!

Мать, только что прижимавшаяся к мужу, мгновенно выпрямилась, ее глаза полыхнули материнской защитой.

Аюй только что пережил разрыв, ему и так тяжело, а он проспал всего ничего — и уже выслушивает упреки!

Никакого сострадания!

Отец, чье негодование мгновенно улетучилось, даже забыл про Су Юя и принялся успокаивать жену.

— Никто его не отчитывает, я просто беспокоюсь. Поздно вставать вредно, человек должен ложиться и вставать рано!

Мать подозрительно покосилась на него, но не стала продолжать спор, переключившись на бедного сына.

«Бедный» Е Цзинли изо всех сил поддерживал атмосферу уныния, стараясь не выйти из образа.

Опустив голову, он тыкал вилкой в пышный паровой пирожок, стараясь выглядеть так, будто у него совсем нет аппетита.

— Мам, пап, давайте забудем о помолвке с Ань Цзинь, — произнес он хриплым голосом, по которому можно было легко догадаться, как мучительно и долго он провел прошлую ночь.

Мать почувствовала такую боль, что у нее перехватило дыхание.

Раньше она боялась, что Су Юя, избалованного с детства, испортит окружающая среда, и он превратится в никчемного повесу.

Но сейчас, глядя на сына, который повзрослел за одну ночь, она чувствовала не только облегчение, но и бесконечную жалость.

Бедный мальчик, как же его должна была довести Ань Цзинь?

Их семья Су ничем перед ней не провинилась!

Если Ань Цзинь не хотела выходить замуж за Су Юя, могла бы сказать прямо! Разве они стали

бы ее заставлять?

Но она ничего не сказала, а повела себя так, будто ей нанесли страшную обиду, не только поспешно съехала, но и, будучи невестой Су, крутила шашни с другим мужчиной!

Это же значит растоптать достоинство семьи Су!

Глаза матери покраснели, и впервые в жизни она испытала к Ань Цзинь крайнее разочарование.

— Мам, не расстраивайся так. Ань Цзинь не принадлежит семье Су, и у нас нет судьбоносной связи.

Е Цзинли поджал губы, и забота в его глазах была искренней.

Он не был настоящим Су Юем, но в полной мере ощутил безусловную любовь матери.

Изначально он собирался защищать этих стариков лишь для того, чтобы изменить судьбу оригинала, но теперь Е Цзинли действительно хотел их оберегать.

Ничьи чувства не должны быть преданы.

Будь то любовь или родственные узы.

Ань Цзинь не стоила их любви.

— Верно, судьба Су Юя ждет его в другом месте.

В разговор внезапно вмешался низкий, приятный голос.

Рука Е Цзинли с вилкой замерла, и он невольно вздохнул.

Он-то думал, кого не хватает.

Оказалось, забыли про него.

Говорившим был не кто иной, как Ли Цзинчэнь, который ночевал в доме Су.

Сделав несколько широких шагов, он сел рядом с Е Цзинли, ведя себя так непринужденно и элегантно, словно был здесь своим человеком.

Вежливо поздоровавшись с удивленными родителями Су, Ли Цзинчэнь повернул голову к Е Цзинли и напомнил:

— Не представишь меня?

«Ты и так ведешь себя как хозяин, зачем мне тебя представлять?» — подумал Е Цзинли, но на лице его заиграла уместная улыбка.

— Это мой друг, Ли Цзинчэнь. Вчера он подвез меня, было уже поздно, поэтому он остался.

Е Цзинли искоса взглянул на Ли Цзинчэня и добавил:

— Этот человек бесстыдный, можете не считать его чужим.

Мать тут же переключилась в режим гостеприимной хозяйки, дружелюбно улыбнулась Ли Цзинчэню и поспешно встала, чтобы распорядиться накрыть еще один завтрак, а потом укоризненно взглянула на сына:

— Мелкий негодник! Привел гостя — и молчишь!

<http://bllate.org/book/21656/2234769>